

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПРОЗАИКА *

Наждое значительное литературное явление оценивается не только его современниками. Бегут годы, проходят десятилетия, и люди следующих поколений вносят в давно определившуюся оценку что-то свое, новое.

В белорусском литературоведении много уже написано о Франтишке Богушевиче, Янке Купале, Якубе Коласе, Максиме Богдановиче, Кузьме Чорном, Тишке Гартном. Но прочитаешь сборник критических статей белорусского прозаика Михаса Стрельцова «Жизнь в слове», и творчество этих писателей засветится какими-то новыми гранями, более свежими красками.

Изменить установившуюся оценку особенно трудно иногда по отношению к произведениям писателей-классиков. Бывает и так: когда пишут о видном писателе, то даже его первые пробы пера оценивают неизменно очень высоко. К числу таких ранних удач в творчестве Кузьмы Чорного некоторые критики относят, например, ученический рассказ «На посту». М. Стрельцов гораздо более объективен в подходе к материалу: «...Большой талант Чорного не заслуживает того, чтобы под видом уважения оправдывались и расхваливались его слабые, ранние проявления», — резонно замечает автор. Чорный-рассказчик, утверждает он, по-настоящему начинается с рассказа «Будем жить». Именно здесь нужно искать истоки определенных художественных тенденций писателя, здесь выразительно слышится одна из основных тем его раннего творчест-

ва — тема радости. С различной глубиной, с неодинаковой настроенностью эта тема впоследствии зазвучит в «Новых людях», «Андрее Клыге» и других рассказах К. Чорного.

Время все отчетливее определяет место того или иного писателя в истории литературы. И сегодня мы совершенно закономерно в статье М. Стрельцова «У начала всех начал» рядом с именами Янки Купалы и Якуба Коласа видим имя Максима Богдановича. Время позвало их петь, и они пели, каждый по-своему, но в общем хоре. Однако отдельные моменты в творчестве этих поэтов требуют более тонкого литературоведческого подхода. Так, еще сегодня можно прочитать о «декадентстве» М. Богдановича. «Отдавая дань увлечению эстетикой символизма, поэт, — пишет один из критиков, — создал под ее влиянием ряд упадочнических произведений». Заметим кстати, что сами критики не называют этих произведений. Декадентских стихов у М. Богдановича не было, — убедительно доказывает М. Стрельцов. Для белорусской литературы вопрос формы был в начале XX столетия вопросом ее будущего, ее перспектив, ее жизни. И так называемый «символизм» Богдановича шел от живой действительности, а также от опыта литературы и устного поэтического творчества народа.

Когда читаешь статью М. Стрельцова о классике белорусской литературы XIX века Франтишке Богушевиче, создается впечатление, будто автор был современником поэта, настолько глубоко он «вжился» в его произведения, в его душу, в события того времени. Вместе с тем М. Стрельцов показал, что творчество Ф. Богушевича слито с нашей

* Михась Стрельцов, Жизнь в слове, «Беларусь», Минск, 1965, 192 стр. (на белорусском языке).

действительностью, с нашим временем, оно живет в сердцах соотечественников поэта. Хочется привести пример, показывающий, как критик проникновенно чувствует и глубоко понимает творческую судьбу поэта: «Можно, конечно, с понятной уверенностью сказать сегодня: не «смолкли песни те, что играл на дудке», не забыли поэта,— много еще чего справедливого и пафосного можно сегодня сказать,— но так все равно не поможешь поэту, которому, когда писал приведенные строки, было, наверное, очень больно. Больно, кроме всего прочего, хотя бы и потому, что он увидел при жизни в печати лишь один свой рассказ, что не знал, какая судьба ожидает в будущем готовые сборники рассказов и стихов, не пропущенные цензурой, что будет через годы с материалами к словарю, в котором он имел намерение превзойти самого Носовича,— он мог надеяться на

лучшее и утешать себя, как утешаем сегодня мы себя, надеясь, что сборники эти, как и словарь поэта, возможно, когда-нибудь найдутся».

М. Стрельцов — автор хороших лирических рассказов — тонко чувствует «жизнь в слове», свободно владеет им для изложения своих мыслей, умеет проникнуть в тайны поэтической гармонии произведения. Стиль его критической книги сочетается в себе душевность, живость и образность. С интересом читаются статьи и о классиках литературы, и о наших современниках — Пилипе Пестраке, Алексее Русецком, Алексее Зарицком.

Хочется сделать одно замечание: если автор ведет полемику, то необходимо во всех случаях называть фамилию критика и его работу. Это придало бы книге еще большую конкретность и полемичность.

А. ГОРДИЦКИЙ

г. Минск

ПРОЗА БАТЮШКОВА*

О Батюшкове у нас говорят прежде всего как о предшественнике Пушкина. Каждый знает: Батюшков-поэт подготовил Пушкина-поэта. О прозе Батюшкова говорилось вскользь, и ее черты, унаследованные и усиленные Пушкиным, не принимались во внимание историками литературы, хотя в адрес батюшковских очерков и писем было сказано много лестного.

А между тем на историко-литературном отрезке времени от Карамзина к Пушкину проза Батюшкова была заметным этапом. От автора

«Прогулки по Москве» до автора «Повестей Белкина» всего один перегон, всего одна — пусть и большая — станция.

В прозе Батюшкова современный читатель не ощущает (или почти не ощущает) психологического разрыва, отдаленности, она по манере изложения и даже по лексике во многом современна. Она написана с почти пушкинской свободой и непринужденностью. Я отдаю себе отчет в этом «почти» и все же, читая батюшковскую прозу, получаю удовольствие *непосредственного* общения с писателем.

Не только самый материал для сопоставления батюшковской и пуш-

* Н. В. Фридман, Проза Батюшкова, «Наука», М. 1965, 167 стр.